

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете "Вперед", № 18, март 1996 года

"ЭТО СВЕТ, ЧТО ЖИВЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИСТОЧНИКА СВЕТА"

Вечер памяти поэта Владимира Смолдырева

Вот уже 25 лет его нет на этом свете. 9 марта 1971 года умер поэт - наш земляк Владимир Смолдырев. Через четверть века 9 марта 1996 года в библиотеке имени В. В. Розанова собрались друзья Владимира и те, кто открыл для себя поэзию Смолдырева позже. Вспоминали, читали стихи его и о нем, слушали музыку, грустили, помнили...

СТРОКИ БИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА СМОЛДЫРЕВА

Смолдырев Владимир Алексеевич родился 25 мая 1939 года в Ростове-на-Дону. В 1962 году после окончания Ростовского машиностроительного института приезжает в Загорск и работает в поселке Лоза инженером во ВНИИ подшипниковой промышленности.

В 1965 - 1967 гг. руководил городским объединением "Клуб молодых". В 1967 - 1968 гг. вел литературный кружок для старшеклассников в городском Доме пионеров. В 1966 году в издательстве "Молодая гвардия" в коллективном поэтическом сборнике "Костры" была опубликована первая книга стихотворений "Акварель".

Вернулся в небольшой зал библиотеки имени В. В. Розанова. Вечер памяти Владимиром стоит того, чтобы рассказать о нем чуть подробнее.

Музыкальный пролог в исполнении Марины Корневой (фортепьяно) и Оксаны Гончаровой (флейта) настроил собравшихся на поэзию. Порадовало исполнение молодыми людьми под руководством режиссера и ведущего вечера Вячеслава Смирнова "Венок несонетов" Смолдырева.

Странно воспоминаний открыл друг Смолдырева Владимир Алексеевич Желгов. Продолжил его рассказ поэт Анатолий Филиппович Чиков. О днях, проведенных вместе, рассказал Иван Федорович Кудрявцев, Владимир Николаевич Сосин, Валерий Голубев (литобъединение "Свенок"), художник Борис Ильич Крылов. Суть их воспоминаний, думаю, можно выразить словами мудрой и талантливой женщины, самобытной поэтессы Софии Ивановны Солдцовой. Она сказала: "Ясно, что от нас ушел Поэт. Как просто... И как необъяснимо".

Лидия ГИРШИНА,
зав. краеведческим отделом музея-заповедника.

Так получилось, что большая часть архива поэта и художника Владимира Алексеевича Смолдырева пропала после его смерти, и остается надеяться, что пропала не безвозвратно, и по истечении лет, если не все утрачено, то хотя бы часть отыщется к радости почитателей его таланта.

Но если бы почему-либо случилось так, что он написал всего одно-единственное произведение - "Венок несонетов" - уже только это давало право занять достойное место в ряду мастеров отечественной, и не только отечественной словесности. Ибо "Венок несонетов" - это плод огромного напряжения мысли, итог средоточия разума и духа, "полифония смеха и плача", философски-апологическая поэма, вспыхающая поэтическая озарения. 15 бриллиантов в оправе из жемчуга. Песнь песней XX века.

Замысел родился не вдруг, да и трудно сказать сейчас, когда и как это было. Поэт сам был удивлен, как быстро, менее чем за полтора, он написал такую сложную и многомерную вещь. А ведь параллельно с созданием "Венка" он писал и другие стихи, начал переводить Поля Элюара и еще находил

время для живописи и встреч с друзьями...

...Впервые "Венок несонетов" я услышал в исполнении автора 9 мая под Ростовом Великим, на берегу Которосли, на рыбалке.

Весна 1967 года была ранняя и теплая. К майским праздникам деревья уже зазеленели распускающейся листвою. На безоблачном небе ярко светило солнце. Мы были молоды и влюблены - в женщин, в поэзию, в жизнь. По пути в Ростов отметили одну удивительную закономерность - чем далее к северу, тем теплее. Вишневые сады в Сергиевом Посаде только-только набухли бутонами, в Переславле-Залеском уже начали завястать, а когда подошли к Ростову - ахнули - весь он был сплошно погружен в белую пену цветущих вишневых садов. Мне и раньше доводилось бывать в здешних краях, а в Смолдырев сам из Ростова-на-Дону, в Ростове Великом был впервые. На площади перед Кремлем было малолетство. День склонялся к вечеру. На фоне златого неба контурно прорисовывалось кружево звонниц. Монолиты башен и храмов создают впечатление вечности и неизблемости. Велизус кремлевских стен, червяк, городских построек заливают вечерний

свет, окрашивает, будто окунает в янтарь и золото. Горизонт становится полупрозрачным, тени удаляются от густой густоты цвета. Кажется, словно дальний легкий зvon разносится окрест. Небо уходит в озеро и город отражается в его водах, как сказочный Китиж, символ вечной и непоборимой Руси. Все наполнено светом и благогоустью. И мысль о том, что где-то здесь, недалеко, родина Сергея Радонежского, что мы сегодня проделаем тот же путь, что и он когда-то, только в обратном направлении, вдруг поразила своей простотой...

А вокруг простиралась Россия... И "воздух" напоен чем-то теплым и терпким, и пахло талой водой, весенней прелью, пахнущими садами, дымом... Где-то в вышине переговаривались пролетные птицы. Стан уток кружили над озером и зеркальная гладь воды расходилась кругами - плескалась рыба и рыбаки причаливали к берегу, нагруженные уловом, и вспыхивали точки костров по берегам как и много-много вдалеке.

И ошущение Родины, и твоя личная причастность к ее истории, ее природе, ее истории, ее народу, ее Святости, ее настоящему и буду-

щему. И мы не стеснялись слез, ибо это были слезы очистиения.

А ночью, у костра, под тихий плеск реки Володька читал "Венок". И сидели притихшие мужчины - и были: Сергей Михайлин, да Игорь Гарников с сыном, да Чиков Анатолий Филиппович и аз грешный, и еще кто-то, кого уж и не припомню, и местные, из Ростова и Белогости, и александровские, что на мотоциклах уже по-темному подъехали... И затухал, прогорал костер и искры уносились в ночь, в небо, к звездам... и стлала уха. Только соловьи неистово пели вечную песнь весны, любви, жизни...

А вокруг простерлась Россия. Могучая. Небоязненная. Неповторимая. Россия - мессыя грядущих веков. Россия - которая во все времена была духовным колыбелью человечества - больше ни одну страну мира не называли Святой.

И Владимир Алексеевич Смолдырев - любящий и верный сын ее - своей поэзией, своим искусством пытался постичь Россию, Мир, Вселенную... Ибо только искусством да еще Верой достигается постижение.

В. ЖЕЛГОВ

XIII

...Мы с тобой рождены
Для того, чтобы выпить
рассветы,

Те рассветы,
Которым
Название горе и радость,
Те рассветы,
Которым
Название юность

и старость,
Которым
Название дружба
и братство.

Братство губ,
Братство тел -
Братство молнии с мякотью
неба,

Братство рук,
Утирающих
Горькие слезы любимых -
Это кривные братья
Всемирного братства

народов,
Это нежные сестры
Немеркнущей дружбы

оружий,
Мы живем продолжением,
Праздником прошлого
света,

Переключию почек,
Почувявших схватки
рожищ,
Мы живем для того,

Владимир СМОЛДЫРЕВ

ВЕНОК НЕСОНЕТОВ

(Отрывок)

Чтобы вырастить деревце
детства,
Для того, чтобы выстроить
Светлое здание веры,
Для того, чтобы вычеркнуть
Вечное "но" неверный,
Для того, чтобы

встретиться,
Выпсушить мед
И увянуть.

XIV

Для того, чтобы
встретиться,
Выпсушить мед
И увянуть,
Для того, чтобы снова
Воскреснуть в медовом
апреле,

Я ишу отголосок
Гортанного говора грома,
Возвращаю волнение
В тихое стоибие ветра.

Как темна моя комната,
Словно кого-то хоронят!
Как печально по стенам
Течет трагедическая плача!
Как безвольно повисла
Твое опустевшее платье!
Как печально,
Кто соткал твою имя

Как звери от холода,
Сжегались небеса!
Я кричу,
Но никто не услышит -
Дома и деревья оглохли.

Я зову,
Но никто не откликнется.
Пусто кругом.
Одинок.

Только сон полнолуния
Плавают в олове леса,
Только звон облаков
Возникает из меди рассвета,
Только эхо кружит
Над землей

Троескратным повтором:
"Любимая,
Солнце мое,
Восходящее в песнях
разлуки!"

XV

Любимая,
Солнце мое,
Восходящее в песнях
разлуки,
Золотистая россыпь песка
Над зелеными вспашками
моря,
Кто соткал твою имя

Из шестета грозных
привоев,
Кто сплел твою тело
Из нежного гипса туманов?
Ты цветок,
Раскрывающий губы
Для влажного трепета неба,
Ускользающий шарик
Смертельной
Серебряной ртуть,
Черный день,
Поражающий
Безлазную ночь озарений,
Борозда обещаний,
Засекных зернами грусти.
Ты ничья
Потому, что тобой,
Как огнем,
Обладать невозможно.

Ты моя
Потому, что во мне
Созревает твоё отражение.
Мы едины с тобой,
Как поэт и поэма,
Едины.

В неразгаданном хаосе,
В мудром хаосе природы
Мы с тобой рождены
Для того, чтобы выпить
рассветы,

Для того, чтобы
встретиться,
Выпсушить мед
И увянуть.

Наш край в записках князя Сергея Голицына

Я открыла журнал и наткнулась на фразу: "Шестой год подряд мы сняли на лето лагу в Глинкове". Глинково? А не то ли это Глинково, что в нашем районе? "Овощи и молоко там стоили копейки, и хозяйка, вдова Анушка, брала за комнату столь мало, что сельская жизнь превращалась дешевле, нежели московская..." Нет, мало ли Глинковых в России? - подумала я, но дальше замесляла слова: "Торгоша", "Сергиев Посад", "Вифания"... Да, это наше Глинково. А написал о нем князь Сергей Голицын. Главы из его "Записок успешного" были опубликованы в журнале "Дружба народов" (№ 3, 1990), а позже вышла и книга.

Сколько же в этих записках разбросано крупных сведений о людях, так или иначе причастных к жизни нашего края! Кто не знает художника Остроухова? Да всякий, бывавший в Абрамцевском музее-заповеднике, видел его золотой осенний пейзаж "В Абрамцевском парке".

Илья Семенович Остроухов в 80-х годах прошлого столетия был постоянным гостем в Абрамцеве и

своим человеческим у нас дома", - писал В. С. Мамонтов. Остроухов - художник, коллекционер, создатель Музея иконописи и живописи в Москве, друг и советчик Павла Михайловича Третьякова, попечитель Третьяковской галереи. Но что стало с этим человеком позже, при советской власти? Оказавшись, в 1929 году Остроухов стал лишением, то есть был лишен избирательных прав как бывший фабрикант. Черновики его заявлений, писем Луначарского и другим влиятельным лицам обнаружил С. Голицын в ЦГАЛИ. Тогда же художника изгнали из Третьяковской галереи. Вскоре он умер от переживания.

А вот всего лишь упоминание о Софье Всеволодовне Волковой. Она сидела на Солонках с сестрой автора "Записок". В 1928 году нянюля еще удавалось желать доблести с женщинами, находившимися в лагере. Волкова - жена Олега Волкова, прославившего около 30 лет в сталинских тюрьмах и лагерях, и написавшего авторбиографическую книгу "Погружение во тьму". Волкова? Да, а в ле-

вичестве Мамонтова - внука Саввы Ивановича.

Или вот несколько строк о дяде автора - Алексее Лопухине. Он вынужден был поселиться в Сергиевом Посаде, пробул чудотворную машину и вынул чужой "железная пятка", чтобы содержать семью. Жил он возле дома, принадлежавшего М. Пришвину. В одном из писем Михаила Пришвина пренебрежительно отзывался о чуде-чудоточнике и многочисленных его детях. Провокация с покусением на секретаря райкома партии в 1927 году привела к тому, что А. Лопухин получил минимум шесть (запрещение жить в шести крупных городах страны) и перебрался с семьей в Тверь. Там он устроился на работу: брал воды вон в Волге и ее приточка. За день проходил верст пятнадцать, бутылки с водой согрелым теплом своего тела. Относился к работе исключительно добросовестно. А в 1934 году жившие в Эстонии родственники жены Лопухина выкупили за валюту и се, и его, и их детей. Все они уехали в Эстонию. Когда наши войска заняли эту республику,

Гитлер договорился со Сталиным, что все тамонские жители, у кого течет в жилах немецкая кровь, могут уехать в Германию. Как муж немки Алексей Лопухин с семьей детьми отправился в Германию. Потом вся семья очутилась в США...

Как причудливо бывают судьбы людей! А судьбы вещей?

Вот старинный роуль. Стоял он в родовом имении князей Трубецких - Ахтырке. На нем играл Николай Рубинштейн. Семью князя Евгения Николаевича Трубецкого выследили за границу. Мебель раздали родственникам. Видно, тогда роуль попал к Осоргинам. Но их, как и Голицыны, объявили лишением и выследили из Москвы. Уехали они за 17-ю версту.

Местные власти их раскулачили. Польскала телега, на нее погрузили роуль и отезли в клуб, бывший дом священника. "Сельские власти говорили, что реквизируют у петровского населения для обучения музыки сельской молодежи. Забрали на роуль ребята, вколот расстрели, а вскоре и вовсе сломали..."

Т. СМЕРНОВА.

Поповны, верно, заартачились, начали козырять, чем, верно, и раньше не однажды козырили:

— Наша фамилия Загорские, мы дворянские старости известного и пламенного большевика, погибшего за революцию. В честь его наш Сергиев Посад переименован.

— Мало ли что! — им отвечали. — От мертвого заступы не ждите. Ступайте к отцу немедленно!

Что им оставалось делать? Сколько лет учили они уму-разуму сельских ребят и наверняка были у начальства на самом хорошем счету, а тут и тем дворянского брата не помогла. Попадками они в кабинет начальства и попались в Глинково уговаривать отца на недобрый шаг.

Был он благочинным, то есть старшим над двенадцатью приходскими, все почитали его тут... Когда перед Рождеством пришли богомолы ко всеобщей, церковь оказалась запечатой. И с тех пор никогда ее для службы не открывали.

Сколько-то лет спустя власти выломали замок, ключицы содрали тончайшей резьбой, иконки сожгли. Сейчас бывший храм выстроены в сорочковом веке прошлого столетия, выглядит обглоданным остовом. А каким он был раньше, как красиво стоял на высоком берегу реки Торгоши, можно увидеть в книге "Владимир Голицын - страницы жизни художника, изобретателя и мырка". Там на странице 74 помещен тонкий и тщательно отделанный карандашный рисунок Глинковской церкви, исполненный моим братом в 1927 году.

Историю глинковского батюшки знаю по рассказу дяди Владимира Трубецкого. Той зимой он как-то шел по улице Сергиева Посада, и встретился ему старик в коротком кафтане, в подшитых катаных валенках, небритый, с космами седых волос, нависших на лоб из-под лохматой шапки.

— Владимир Сергеевич, вы меня не узнаете? — окликнул старик дядю.

— Отец Алексей, вы ли это? — воскликнул пораженный дядя.

— Тот опустил глаза и с грустью проговорил:

— Преобразились еси. И стал рассказывать ту историю, которую я сейчас привел. Закончил он, как его с матушкой выследили из Глинкова: все имущество и все скотину у них отобрали; живут они у младшей дочери, а две старшие принять их побоялись. Ну, да Бог их простит... О дальнейшей его судьбе ничего не знаю.

Краеведческий календарь знаменательных и памятных дат

9 МАРТА - 25 лет со дня трагической смерти нашего земляка, поэта Владимира Алексеевича СМОЛДЫРЕВА (1939 - 1971).

12 МАРТА - 120 лет со дня рождения родоначальника абрамцевско-курдинской резьбы Василия Петровича ВОРНОВО (1876 - 1940).

В. П. Ворноков - родоначальник той резьбы по дереву, которая называется абрамцевско-курдинской. Родился в деревне Курдино (сейчаско от Хоткова), а учился в Абрамцевской школе, организованной хозяйкой усадьбы Е. Г. Мамонтовой. При школе его была открыта учебная столярная мастерская, в работе которой принимали участие также известные художники, как В. М. Васнецов и Е. Д. Поленов.

Обучали ребят преимущественно геометрической резьбе. А В. П. Ворноков создал свой стиль. Основу узора составляют растительные побеги, иногда с включением птиц или зверей. При этом форма почти не выиано - так густо расположились стебли и листья. А листья особенные - они расширяются и закрутываются на концах. Их называют "пальчатыми". Резьба эта плоскоребристая. Поверхности рельефа покрываются лаком и полируются.

В Куарине и соседнем селе Ахтырка были организованы артели мастеров-резчиков, работавших в этом стиле. Традицию абрамцевско-курдинской резьбы продолжил с 1960 года Хотковский фабрика резных художественных изделий.

15 МАРТА - 110 лет со дня рождения известного русского художника Владимира Андреевича ФАВОРСКОГО (1886 - 1964). Жил и работал в Сергиевом Посаде.

17 МАРТА - 140 лет со дня рождения известного русского художника Михаила Александровича ВРУБЕЛЯ (1856 - 1910), чья жизнь и творчество тесно связаны с Абрамцевской усадьбой Мамонтовых.

22 МАРТА - День рождения нашего города. В этот день в 1782 году императрица Екатерина II подписала указ об учреждении посада под названием Сергеевского, а в нем ратуши.

25 МАРТА - 125 лет со дня рождения Игоря Эмильевича ГРАБЯРА - известного русского художника (1875 - 1960), чья жизнь и творчество были тесно связаны с Абрамцевым.

28 МАРТА - 50 лет со дня смерти сергиевского художника Владимира Ивановича СОКОЛОВА (1872 - 1946).

Более подробные материалы о Фаворском, Врубеле, Грабаре и Соколове, подготовленные Т. Смирновой, читайте на 6-й стр.

Сергей Голицын "Записки уцелевшего"

(отрывок)

XVIII - начале XIX века известного проповедника митрополита Московского Платона. По его повелению малая речка в нескольких местах была запружена и образовались обширные живописные пруды; на их берегу встали белый храм с большим, синим, ослепленным звездами куполом и одноэтажный, изысканный обоянчат для самого митрополита. После его кончины в Вифании устроили монастырь, для монашеских келий возвели длинный двухэтажный корпус и разные хозяйственные постройки.

В первые годы революции монастырь был закрыт. В обширные обстановка оставалась неприкосновенной, как при жизни митрополита, так образовали музей, очевидно, в память самого высокого священнослужителя. А в жилом корпусе и в хозяйственных постройках разместилось педагогическое училище. Но глас-то на задворках в малом чудачестве ютился и принимал богомольцев весьма почитаемый старец - отец Валериян. Мои сестры к нему ходили.

Сергиевские власти решили выселить или вовсе ликвидировать педагогическое училище, а в бывших монашеских кельях, по коридорам - направо и налево, поселить крестьянские семьи из Глинкова и их соседних деревень. Так будет органи-

зована первая в районе коммуна. Ведь как здорово получается! На практике осуществляются заветные мечты вождя Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина - из мелкобуржуазного, частнособственнического общества и прыг прямо в коммунизм!

"Все будет у вас обшнее, - так убеждали городские агитаторы на сельских сходках опавших от ужаса складовцев, - обшце в концах коридоров в вашем новом жилье кусты, обшней сельскохозяйственный инвентарь, кони, скот, даже кури". Кто-то сауду спросил: "А бабы тоже будут обшними?"

Его оборвали, назвали классовым врагом, позвучником, а через два дня посадили. И бедные глинковцы, дрожа от еще большего ужаса, ждали, что будет дальше. А сергиевская газетика выставляла страши и одновременно захлебывалась от восторга, расписывая, как отправятся глинковцы в земной рай.

Я всю эту кажущуюся теперь невероятной историю знаю, потому что ходил из Глинкова пытался, но безуспешно попасть на прием к самому Калинин и приехали за советами к брату Владимиру и зятю Виктору.

Неожиданно явился за них заступник в лице самого наркома просвещения Луначарского. Когда до него

дошла весть, что училище в Вифании грозит закрытие, он возмутился. Всею зиму кипела борьба: "Закрыть училище, да здравствует коммуна!" И, наконец, пришлось посылать глинковчан родные пензенцы, если бы не знаменитая статья Сталина "Половокружение от успехов".

Можно себе представить, как переживал глинковские события батюшка отец Алексей! Как и раньше, как сорок лет подряд, он неизменно по воскресеньям служил обедню, по субботам всенощную, отпоял покойников, крестил детей. Но пробила час, и на глинковский храм, на его священнослужителя нагрянула беда.

У отца Алексеев было три дочери, все три незамужние и уже в годах, все три учительницы в разных школах района. Однажды их вызвало сергиевское начальство и предвзяло им подлинный ультиматум, примерно в таких выражениях:

— Немедленно отправляйтесь к своему отцу и предложите ему снять сына. Жители села добровольно организовали коммуны, а он воду мутит. Если же согласия не даст, еще неизвестно, как с ним вынуждены будут поступить. А вам придется со своими должностями распрощаться. Поповским дочкам нельзя доверять воспитание советских детей в коммунистическом духе.

Общий вид Спасо-Вифанского монастыря. Начало века.

Адено историков беспрестанно изучать и объяснить те беды, которые осенью 1929 года обрушились на многодетную и многострадальную нашу Родину, прежде всего на крестьянство. Газеты неистовствовали. Бдительность, классовые враги, кулаки, лишены, разгромить, уничтожить, ликвидировать - такими отвратительными словами изобиловали газетные страницы наряду с безудержным восхвалением великого и мурого Сталина.

Брат Владимир считал, что все это - чудовищная провокация кучки саидов и ненавистников человечества, захвативших власть, которые намерены стараться нанести как можно больше зла людям и как можно больше ущерба самой России.

Рассказу, что хорошо знаю о происхождении в Глинкове. Се при нас раза три наезжали из Сергиева Посада власти, собирали сельский сход, развешивали мужикам, что такое колхоз, на все лады расхваливали, уговаривали вступать и одновременно угрожали, что тот, кто сопротивляется, тот враг, того надо раскулачивать.

По каким признакам узнавали, кто на деле кулак? Да очень просто - по внешнему виду домов.

До того два летних сезона подряд я наблюдал, как два глинковских крестьянина-соседа возводили просторные избы-пятистенки, как искусные мастера украшали фасад затейливой резьбой. И поднялись избы в кружже. Хозяин столько понтергался, что потребовалось долги отдавать, потому-то лучшие горницы уступали они дачникам. В одной из этих изб-красавиц и поселился мой брат Владимир с семьей. А настал черный день и обихом хозяй с женой, с детьми малыми выехали в Сибирь и все их имущество отобрали. Остальные глинковцы, взира на несчастье односельчан, готовы были идти хоть в колхоз, хоть куда еще, лишь бы их оставили жить в своих избах. Затанисли мужики, со страхом предчувствуя, что идет, кто в ворота стучит. Было время, по вечерам собиралась сельская молодежь плясать и петь под гармошку летом на улице, зимой избу снимали. С той страшной осени смолкла гармошка...

А районные власти, чтобы показать перед областным начальством свое усердие, правдами да глинковцев такое... Да лучше расскажу по порядку.

В двух километрах от села находился Вифанский монастырь, или просто Вифания, когда-то летняя резиденция жившего в конце

Судьбы земляков

В деревне Гаврилково раскулачивание проходило жестко

К концу 20-х годов волна раскулачивания докатилась до Сергиевского уезда.

В деревне Гаврилково пощады не давали никому. Раскулачивание там проходило жестко: отбирали все, а у тех, кто оказывал сопротивление, кто не хотел вступать в колхоз, нажитое силой. Беда пришла и в дом крестьянина Петра Бозлова, сумевшего своим трудом сколотить крепкое хозяйство.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ ПЕТРА БОЗЛОВА АНАСТАСИИ ПЕТРОВНЫ О СОБЫТИЯХ 68-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

У родителей нас было семеро: два сына и пять дочерей. Я самая младшая. Старшие сестры к этому времени вышли замуж, братья тоже вступили на самостоятельный путь.

Папу арестовали, когда мне было шесть лет. Это было в 1927 году. Ему угрожали, требовали, чтобы он сдал скотину в колхоз, а он сдавать не хотел. Представителей советской власти, которые отбирали скот и имущество, знали в деревне как людей, не умеющих хорошо работать и любивших выпить. Папа же был труженником и не уважал тех, кто не умел и не хотел трудиться. Для своего времени он был образованным человеком: выписывал газеты и журналы. Про него говорили: "Во какой богатый! Он даже газеты читает!". Эту любовь к чтению, тягу к образованию отец передал мне. Часто говорил: "Учись в любых условиях, старайся больше узнать". И я всегда следовала его завету.

Скотину все-таки увели и пригрозили отцу: если не вступили в колхоз, отберем дом и все, что нажито. Угрозы не подействовали. Помню, как мама плакала... Потом пришли из сельсовета и сказали, что нас выселяют и чтобы мы собирались в дорогу. С собой брать было нечего, даже из продуктов - дом был пустой.

В Сергиеве нас привели к страноприимному дому (сейчас в этом доме главпочтамт). Там уже было много людей, и все плакали - и жен-

щины, и дети. Вой стоял такой, что до сих пор звучит он у меня в ушах, и я всегда слышу его, когда прохожу мимо главпочтамта.

Помню, как повели нас перед выселкой в городскую баню. Она располагалась тогда у западной стены Лавры, а рядом была городская типография. Вели по живому людскому коридору. Вышли проводить нас те, кто искал своих, работники типографии и просто сочувствующие. В толпе стоял наш знакомый Володя Иванов - наборщик типографии. Он взял меня за руку, пока она на него не упала, и сказал: "Оставайся". Потом я узнала, что он сосед моей сестры по коммуналке. Но мама не разрешила остаться. Она подумала, а вдруг сестры побоятся меня взять.

Стояла теплая осень. Нас погрузили в товарный вагон. Было очень тесно и жутко от стопа, крика и неизвестности. Хотелось пить и есть. Немного легче было тем, у кого были продукты. Но у большинства их не было. Не дали нам погнубить добрые люди. На станциях к вагонам жидкими сочувствующими женщинами и приносили то, что может: хлеб, картошку, воду. Когда открывали вагоны, они бросали все это в открытые двери.

Ехали медленно, часе ночью. Многие не выдерживали боли, потрясенный, лишений и умирали. К месту назначения прибыли зимой. Позже мы узнали, что нас привезли на строитель-

строителям выдали тогда продовольственные пайки.

С вводом в строй металлургического комбината жизнь стала налаживаться. Нас переселили в бараки, открылись пекарня, магазин, школа, я стала учиться.

В Сибири мы жили восемь лет. Вернулись на родину в 1936 году. К прежней жизни в деревне возврата не могло быть. Сильно подорвали здоровье. Отец вскоре умер, он стал инвалидом после травмы, которую получил на работе. Мама тоже болела. Поселились мы у сестры в маленькой комнате. Я продолжала учиться. Закончила десятилетку.

О войне Анастасия Петровна не вспоминала. Слишком много горьких воспоминаний для одной встречи. Вся тяжесть и боль тех страшных лет легли на плечи этой хрупкой женщины. Она ушла на фронт защищать свою Родину в 41-м, Вернулась в 45-м с контузией и боевыми наградами. Закончила педагогический институт, вышла замуж, родила двух дочерей и сына. Работала учительницей, затем учем школы. Сейчас на пенсии. Муж Анастасии Петровны тоже фронтовик. В этом году 50 лет как они вместе.

Вот такая судьба.
Е. ВИДНАЯ, старший научный сотрудник краеведческого отдела музея-заповедника.

Осенью от некачественных продуктов и вшей началась эпидемия. У мамы от голода и холода загноились волосяная часть головы. Я думала, что от боли она сойдет с ума. Цеплялась за меня и умоляла: "Помоги". А что я могла? Позже в Старокузнецке удалось достать масло и молоко. Смазывала ей голову, и болезнь постепенно прошла.

Вот в таких условиях мы жили. Строили доменные печи. Папу выпустили из тюрьмы, и он приехал на стройку. Запомнилось открытие первой домы, всем

строителям выдали тогда продовольственные пайки.

С вводом в строй металлургического комбината жизнь стала налаживаться. Нас переселили в бараки, открылись пекарня, магазин, школа, я стала учиться.

В Сибири мы жили восемь лет. Вернулись на родину в 1936 году. К прежней жизни в деревне возврата не могло быть. Сильно подорвали здоровье. Отец вскоре умер, он стал инвалидом после травмы, которую получил на работе. Мама тоже болела. Поселились мы у сестры в маленькой комнате. Я продолжала учиться. Закончила десятилетку.

О войне Анастасия Петровна не вспоминала. Слишком много горьких воспоминаний для одной встречи. Вся тяжесть и боль тех страшных лет легли на плечи этой хрупкой женщины. Она ушла на фронт защищать свою Родину в 41-м, Вернулась в 45-м с контузией и боевыми наградами. Закончила педагогический институт, вышла замуж, родила двух дочерей и сына. Работала учительницей, затем учем школы. Сейчас на пенсии. Муж Анастасии Петровны тоже фронтовик. В этом году 50 лет как они вместе.

Вот такая судьба.
Е. ВИДНАЯ, старший научный сотрудник краеведческого отдела музея-заповедника.

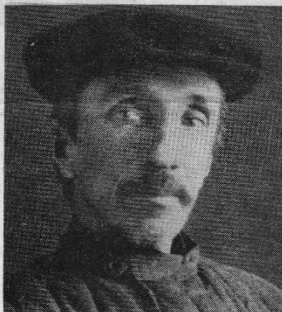
Осенью от некачественных продуктов и вшей началась эпидемия. У мамы от голода и холода загноились волосяная часть головы. Я думала, что от боли она сойдет с ума. Цеплялась за меня и умоляла: "Помоги". А что я могла? Позже в Старокузнецке удалось достать масло и молоко. Смазывала ей голову, и болезнь постепенно прошла.

Вот в таких условиях мы жили. Строили доменные печи. Папу выпустили из тюрьмы, и он приехал на стройку. Запомнилось открытие первой домы, всем

Петр Алексеевич Бозлов и его супруга Праксодия Константиновна в 1936 году после возвращения из Сибири.

Семья Бозловых до раскулачивания.

Петр Алексеевич Бозлов и его супруга Праксодия Константиновна в 1936 году после возвращения из Сибири.

Старые дома

Посадская история

Много лет тому назад по заданию проектной организации работали в нашем городе искусствоведами, которым надо было составить список домов, ценных в архитектурном отношении для сохранения специфического облика нашего старого города. Оригинальным, несомненным автором был назван в этом списке дом, расположенный на перекрестке улиц Клеметьевской и Болотной. Полностью красивый облик и фотографии, составляющие набор городских открыток. Наконец, этот дом стал

символом нашего "Краеведческого вестника": не стовариваясь с нами, замечательная художница Татьяна Киселева выбрала его для художественной заставки.

А хозяйкой его до революции была моя крестная мама Агния Ивановна Фирсова. Крестили меня в июне 1918 года в Никольском приделе церкви Успения Божией Матери на Клеметьевске. К этому времени муж Агнии Ивановны, человек богатый и болезненно любивший выделяться среди своего окру-

жения (я был он чиновником на железной дороге) купил на имя супруги маленький домик в "три окошка" на Воробьевской улице, куда она вскоре пересеклась, наполнив его до отказа оставшимся от бывшего скрамб. Сам же хозяин с первой волной иммиграции уехал за границу и "пропал без вести". Поскольку Фирсова не имела детей, их расставание, видимо, было лишено трагических моментов.

Красивый дом между тем зажил, как говорят, "веселой жизнью коммуналок". А Агния Ивановна осталась доживать свой век на Воробьевской в маленьком "в три окошка" домике. Была она, несмотря на удары судьбы, жизнерадостной и беззлобным человеком. Наверное, это было причиной того, что наследница морщинами и париком вместо волос, она не оставалась замужем, а улица однажды даже избрала ее своим улычком. Накондленного Фирсовым, видимо, хватило и на акклиматизацию за рубежом одной "половинки", и на сносное существование на родине - другой... Выразилось это в том, что крестная не забывала в мой и моих родителей дни рождения и именины приносить подарки, состоящие из старинных вещей и вещей.

А завершилась эта незабываемая пора переселения в мос распоряжисне пластинок для граммофона, и долго сие любимая щипцаца от старости пластинка напоминала мне о моей крестной и уверяла всерьезующие в том, что "счастливы - только в любви".

Е. КОНЕВ, краевед.

Купола над молчанием

... На зимних каникулах я отмахала в летском лагере "Солышико", что в Новой Шурме. Это небольшая деревенька. Постоянных жителей ее можно сосчитать по пальцам. Остальные - дачники, приезжающие сюда только летом.

Сразу в глаза мне бросился полуразрушенный храм - величественное сооружение, напоминающее корабль в пространстве. На стенах храма еще видны фрески с изображением библейских сюжетов. Но, к стыду моему, и новое поколение потрудились над "проспектом" стен. Непристойные фразы, прочерченные корявыми почерками, можно увидеть всюду. А главное место храма - алтарь - полностью разрушен.

... Торжество предстоящего празднования Рождества Христова вздохнуло нас посетить еще раз это разоренное место и воздать ему должное. В полночь мы вошли в темную холодную церковь. (Мы - это я и вожатые лагеря). Осторожно, ступая по

снегу, прошли к алтарю и зажгли свечки. Они осветили несколько икоп, которые, очевидно, были принесены кем-то из жителей деревни. На небольшом круглом столе чья-то добрая рука постелила скромное льняное полатенце и поставила самодельный подсвечник.

Мы, хоть и небольшие знатоки церковного богослужения, пренекали молитву. Затем, дрожа от холода и душевного трепета, я прочла "1 час", и мы в последний раз пропели тропарь и величание.

Сильная акустика однополого храма пугала - эхо многократно отзвучивало в пространстве. В это время мне подумалось: вот место, где чувствуешь присутствие Бога. Да и как же иначе? Ведь храм - это и есть дом Божий. Когда-нибудь и закрытие многих храмов станет страницей истории. Все восстановится...

Екатерина ДУГАЕВА, школьница нашего журнала при редакции газеты "Вперед".

**Михаил
Александрович
ВРУБЕЛЬ**
(1856 - 1910)

*К 140-летию
со дня рождения*

Ни в одно из течений художественной жизни не вмещается творчество М. А. Врубеля. Он выделяется и масштабом своего дарования, и трагичностью мироощущения. Не случайно центральным образом его творчества стал образ Демона. Самые известные его картины "Демон сидящий" и "Демон поверженный", а также "Сирень", "Пан", "Царевна-Лебедь".

Большую поддержку Врубелю оказал С. И. Мамонтов. Когда официальное жюри не приняло два огромных врубелевских панно "Принцесса Греза" и "Микула Селянинович", Мамонтов на свои деньги выстроил на Нижегородской ярмарке павильон для показа этих работ.

М. А. Врубель много раз бывал в Абрамцево. Он увлекся искусством майолики в построенной Мамонтовым абрамцевской гончарной мастерской. И сейчас в музее-заповеднике "Абрамцево" находится большая коллекция его керамических работ. В абрамцевском доме сохранились "врубелевские" печи. А в красной гостиной перед камином стоит экран его работы "Князь Гвидон и Царевна-Лебедь".

М. А. Врубель. Автопортрет; "Голова Демона", иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова "Демон".

**Владимир
Андреевич
ФАВОРСКИЙ**
(1886 - 1964)

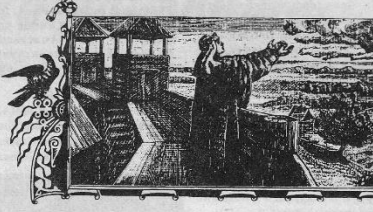
*К 110-летию
со дня рождения*

В. А. Фаворский. Трудно найти, наверное, человека, не слышавшего этого имени. Огромную извест-

ность приобрели прежде всего его книжные иллюстрации, в частности, гравюры к "Слову о полку Игореве". А жила семья Фаворских долги годы в Сергиевом Посаде: отец художника в 1919 году был приглашен в качестве юриста для работы в комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Вернувшись вскоре с фронта, поселился в нашем городе и Владимир Андреевич Фаворский.

Он создал целый ряд портретов людей, живших в Сергиевом Посаде в 20 - 30-е гг.: М. В. Фаворской, П. А. Флоренского, О. П. Флоренской, М. М. Пришвина, В. Д. Дерива и др.

Не мог оставить его равнодушным и городской пейзаж. "Настоящая архитектура замняет природу", - писал В. А. Фаворский.

В. А. Фаворский. Гравюра "Плач Ярославны". Иллюстрация к "Слову о полку Игореве".

**Владимир
Иванович
СОКОЛОВ**
(1872 - 1946)

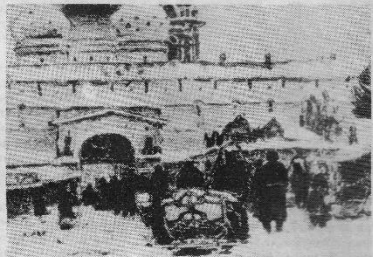
*К 50-летию
со дня смерти*

В. И. Соколов приехал в Сергиев Посад в 1902 году да и остался в нем до конца жизни. А перед этим он

кончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и принял участие в нескольких художественных выставках. Но по-настоящему известен он стал в 1917 году, когда вышел альбом его литографий "Сергиев Посад". Это большие цветные листы с видами Лавры и нашего города.

В 20-е годы художник активно работал в комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, потом в Сергиевском художественном музее.

И еще В. И. Соколов стал основателем нового художественного промысла в нашей местности: выжигания с росписью по дереву. И до сих пор в Сергиевом Посаде делают шкатулки, коробочки, матрешки и пр., украшая их таким образом.

В. И. Соколов. "Старый Сергиев".

**Игорь
Эммануилович
ГРАБАРЬ**
(1875 - 1960)

*К 125-летию
со дня рождения*

Кто не помнит с детских лет таких картин И. Э. Грабаря, как "Февральская лазурь", "Мартовский снег"? Таких солнечных, с трепещущими на снегу голубыми

теньями, таких радостно-морозных и в то же время дышащих приближением весны.

Но Игорь Грабарь был не только художником. Он был выдающимся искусствоведом. Еще до революции выпустил пятитомную научную историю русского искусства. Особенно много внимания уделил Грабарь изучению древнерусской живописи. В первые же годы

после революции он участвовал во многих экспедициях по обследованию древних памятников. Еще не везде было снято военное положение. Порой путешествия проходили, как писал Грабарь, в "условиях ужасающих, прямо кошмарных". Но в результате этих экспедиций удалось обнаружить и спасти большое количество ценнейших икон.

И. Грабарем были разработаны научные основы реставрации произведений искусства. Раскрытие икон, осуществленное реставраторами под руководством Грабаря, во многом изменило представления о древнерусской живописи.

В 1926 г. Грабарь выстроил дачу поблизости от музея-усадьбы "Абрамцево" на противоположном берегу Вори. Впоследствии возле этой дачи вырос целый дачный поселок художников.

В Абрамцево Грабарь работал, как искусствовед, активно занимался административной работой, будучи ректором Московского художественного института, Всероссийской академии художеств, Института истории искусств. Но выбирал иногда время и для живописи. Писал натюрморты, пейзажи. Запечатлел на одной из картин и облик своей дачи, утопающей в кустах цветущей сирени.

И. Э. Грабарь. "Мартовский снег".

20 января 1996 года в "Краеведческом вестнике" мы опубликовали снимок одного из уголков нашего города 40-летней давности. Спасибо всем, кто откликнулся и назвал место, которое вы видите на снимке, и тем, кто рассказал об этих домах. А сегодня - тот же уголок города, только 40 лет спустя.

Выпуск подготовлен краеведческим отделом Государственного историко-художественного музея-заповедника.

Редактор Лидия ГИРЛИНА. Фото Алексея СЕВАСТЬЯНОВА.